

Рубль и юань СОЮЗНИКИ ИЛИ СОПЕРНИКИ?

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка No. 255
Июнь 2013

Джульет Джонсон¹
Университет Макгилла

Страны БРИКС – Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР – все более активно стремятся развивать и диверсифицировать международную валютно-финансовую систему таким образом, чтобы она более не опиралась на договоренности между традиционными державами этой системы. Они используют площадку БРИКС для укрепления экономического сотрудничества друг с другом и для создания альтернативных и обходных путей применительно к существующим международным институтам.

Российская официальная «Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС», обнародованная накануне саммита БРИКС в Дурбане, гласит: «Российская Федерация выступает за позиционирование БРИКС в мировой системе как новой модели глобальных отношений, строящейся поверх старых разделительных линий Восток-Запад или Север-Юг». Продвижение реформы международной валютно-финансовой системы посредством БРИКС является центральным столпом этой концепции.

В этой связи страны БРИКС выдвинули две крупные взаимосвязанные инициативы: продвижение международной валютно-финансовой системы, основанной на множестве валют, путем более активного использования валют друг друга вместо доллара США, а также создание Банка развития БРИКС в качестве альтернативы МВФ и Всемирному банку.

Однако этим усилиям суждено столкнуться с существенными препятствиями, порожденными, главным образом, соперничеством между Россией

¹ Элементы этой аналитической записки были позаимствованы из работы автора «Россия: международная валютно-финансовая реформа и интернационализация валюты», которая будет опубликована в серии «БРИКС и Азия, интернационализация валюты и международная валютно-финансовая реформа», издаваемой Азиатским банком развития, Центром по международным инновациям правления и Гонконгским институтом валютно-финансовых исследований.

и Китаем. У юаня гораздо больше шансов стать международной валютой, чем у рубля, но Россия, в силу своих собственных международных и региональных валютно-финансовых амбиций, не склонна признавать этот факт. Поэтому сфера охвата конкретного сотрудничества стран БРИКС в этой области обречена быть ограниченной мелкими и главным образом символическими инициативами, которые сами по себе не смогут бросить реальный вызов международному статус-кво.

Какие валюты будут господствовать в мультивалютном мире?

Глобальный финансовый кризис придал немало смелости странам БРИКС, которые заняли твердую коллективную позицию в пользу диверсификации международной валютно-финансовой системы и отхода от опоры на доллар США. В заключительном заявлении участников саммита БРИКС 2012 г. в Нью-Дели видное место занимает призыв к переходу на резервную валютную систему, базирующуюся на широкой основе. В июне 2012 г. специальная рабочая группа БРИКС договорилась о разработке регионального кризисного фонда, который предусматривал бы договоренности об обмене валютами среди стран БРИКС. Участники саммита БРИКС 2013 г. в Дурбане, среди прочих шагов в этом направлении, подписали новые соглашения о расширении применения своих собственных валют при взаимных расчетах.

Все валюты не рождаются равными, и, по любым меркам, лишь китайский юань является единственной из валют БРИКС, у которого есть долгосрочный потенциал оказаться, наряду с долларом США и евро, в статусе мировой валюты.

Но для российского руководства диверсификация международной валютно-финансовой системы, прежде всего, означает продвижение интернационализации рубля. Разговоры среди элиты о рубле как о потенциальной мировой валюте и о будущем Москвы как международного финансового центра лишний раз свидетельствуют о самовосприятии России в качестве центрального полюса и великой державы в рамках международной системы. Тема интернационализации рубля стала также частью российского дискурса о модернизации и развитии финансового сектора, и, в частности, она рассматривается как ключевой элемент в деле привлечения долгосрочных инвестиций.

Возможно, самым важным является то, что российское руководство верит в способность рубля стать доминирующей региональной валютой на большей части постсоветского пространства. За этим стремлением стоят как политические, так и экономические интересы, поскольку российское руководство намерено сохранить доминирующую роль в том, что оно считает своим традиционным региональным «огородом», так называемым «ближним зарубежьем». Усилия, направленные на расширение роли рубля, стали частью общего российского экономического курса в постсоветской Евразии.

Амбиции России по интернационализации рубля налагают явные ограничения на ее заинтересованность и способность продвигать китайский юань

в качестве альтернативы доллару США. Российское политическое руководство и ведущие представители предпринимательских кругов приложили немалые совместные усилия в деле расширения своего валютного сотрудничества с Китаем. В конце декабря 2010 г. Московская Межбанковская Валютная Биржа (теперь, после объединения с РТС, она именуется «Московская Биржа») начала торги валютной парой жэньминьби² (RMB)-рубль - месяц спустя после того, как Китай начал торговать этой валютной парой. В октябре 2011 г. российский Внешторгбанк, один из ведущих государственных банков, объявил о том, что отныне он принимает вклады в жэньминьби. В декабре 2010 г., в качестве ключевого шага, направленного на диверсификацию валюты, Внешторгбанк стал первой неазиатской компанией на новом развивающемся рынке, которая стала выпускать облигации *дим сам*. В октябре 2012 г. состоялся следующий успешный выпуск облигаций. В сентябре 2012 г. обе страны договорились использовать валюту друг друга для расчетов за часть экспорта российского природного газа в Китай. Российский президент Владимир Путин также выразил свое одобрение по поводу расширения применения рублей и жэньминьби при расчетах в торговле между двумя странами, подписав в конце 2011 г. соглашение на этот счет с председателем Госсовета КНР Вэнь Цзябао.

В то же время российское руководство не желает, чтобы юань оспаривал нынешнюю или потенциальную международную сферу денежного обращения рубля. А эта проблема возникает как на Дальнем Востоке РФ, так и особенно в Центральной Азии. После финансового кризиса 2008 г. ситуация в Центральной Азии стала вызывать у российского руководства особое беспокойство, поскольку объемы китайской торговли с Центральной Азией впервые превзошли аналогичные российские показатели. Россия активно использовала региональные инициативы развития, такие как Евразийское экономическое сообщество, для продвижения рубля в регионе с тем, чтобы бросить вызов, как доллару США, так и китайскому юаню. Растущее китайское экономическое влияние в Центральной Азии и на международной арене во все в большей степени порождает проблему для российского руководства: как развивать экономическое партнерство с Китаем таким образом, чтобы Россия не стала младшим членом этого тандема – простым поставщиком сырья, чья роль регионального лидера осталась в прошлом.

И действительно, в российской программе «Стратегия 2020», опубликованной в марте 2012 г., ясно говорится, что рубль и юань являются конкурентами на мировом и региональном финансовых рынках:

Основные внешние риски для России связаны со следующими факторами: усиление новых центров экономической силы, в частности Китая ... в связи с этим можно выделить следующее... курс на интернационализацию юаня, которая постепенно превратит юань в мировую расчетную, а затем инвестиционную и резервную валюту. По наиболее реалистичному сценарию, к 2020 г. будет закончен первый этап этого процесса –

² Юань - основная единица жэньминьби – официальной денежной единицы Китая.

превращение юаня в мировую расчётную валюту. Однако в случае, если будет реализован более радикальный сценарий и Китай превратится в эмитента региональной (а возможно и мировой) резервной валюты, это может привести к снижению стабильности международной валютной системы, к ограничению возможности использования российского рубля в международных расчетах, к «валютным войнам».

Укрепление позиций Китая в Центральной Азии способно подорвать перспективы вовлечения данного региона в интеграционные проекты России (конкуренция за энергетические ресурсы региона, ослабление таможенного контроля на южной границе Таможенного союза – между Казахстаном и Китаем, срыв планов дальнейшего расширения Таможенного союза).

Новое и более активное переговорное и интервенционистское поведение Китая как «богатого новичка» в «клубе мировых лидеров», укрепление формата G-2 (США и Китай) в управлении глобальными экономическими процессами, усиление Китая в МВФ и ВТО в ущерб третьим странам, в т.ч. России.³

Хотя российское политическое руководство не будет ставить под угрозу свои отношения с Китаем столь откровенными высказываниями (Стратегия 2020 не является официальным государственным документом), слова и действия российского руководства в отношении интернационализации юаня отражают эти опасения. Шаги российского правительства в отношении юаня были постепенными и строго основывались на принципе взаимности, на что указывают существующие договоренности о торгах рублями и юаня. Российское государство не держит свои валютные резервы в юанях и не намеревается это делать в будущем. Президент Путин пару раз несколько пренебрежительно отозвался о юане. В частности, в августе 2011 г. говоря о перспективах рубля как региональной валюты, он указал, что «рубль – достаточно надежная, стабильная валюта. Она у нас свободно конвертируемая, скажем, в отличие от китайского юаня». Единственным крупным российским государственным чиновником, который регулярно упоминал юань как жизнеспособную, потенциальную международную резервную валюту, не настаивая при этом на параллельном или более высоком статусе рубля, был бывший министр финансов Алексей Кудрин, который ушел из правительства в сентябре 2011 г.

Проблемный Банк развития БРИКС

Эта напряженность стала более очевидной при недавних попытках создать совместный Банк экономического развития БРИКС. На саммите БРИКС 2012 г. в

³ См. «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика стр. 806-807. Текст выложен на сайте <http://2020strategy.ru/>

Нью-Дели было выдвинуто официальное предложение о создании такого банка развития. Среди прочих, эту инициативу приветствовал президент Всемирного банка Роберт Зелик. Однако год спустя страны БРИКС так и не смогли договориться ни по одному из параметров этого банка: ни о его размерах, ни о расположении, ни о сотрудниках, ни о сумме взносов, ни о системе голосования. Дурбанская декларация 2013 г. ограничилась лишь следующей констатацией:

Создание нового банка развития – посильная и достижимая задача. Мы договорились учредить новый банк развития. Первоначальный вклад в Банк развития БРИКС должен быть существенным и достаточным для того, чтобы у банка была эффективная финансовая инфраструктура.

Китай решительно продемонстрировал претензию на доминирование в новом институте, назначив столь заметную фигуру как директора Банка развития Китая Чэнь Юаня своим представителем в процессе создания нового банка. Помимо этого Китай добровольно вызвался стать ведущим пайщиком банка и разместить его на своей территории. Россия воспротивилась попыткам Китая установить контроль над банком. Главным образом это связано с российским предположением, что цель Китая – интернационализация юаня, особенно – на российском «огороде».

Капитализация и право голоса являются самыми трудными моментами на переговорах. Богатый Китай предложил создать стартовый капитал банка, по крайней мере, в 50 миллиардов долларов США (по некоторым сообщениям, Китай предлагал даже 100 миллиардов). Понимая, что другие страны не смогут внести столько денег, чтобы вклад каждого была равной, он вызвался вложить большинство средств сам. Россия, опасаясь китайского доминирования, предложила ограничить первоначальный капитал банка лишь 10 миллиардами, при этом вклад каждого члена должен быть одинаковым и составил бы два миллиарда долларов США. Аналогичный конфликт возник и по вопросу голосования, когда Китай предложил, чтобы количество голосов соответствовало экономической мощи и размеру взноса (при том, что Китай внес бы самую большую долю), тогда как Россия предпочла бы, чтобы количество голосов у всех было одинаковым, чтобы роль каждого члена БРИКС была равна остальным, и не зависела бы от размеров его взноса в стартовый капитал. В будущем столь фундаментальные расхождения во взглядах на стратегию и структуру не предвещают ничего хорошего для нового банка развития.

Российская риторика, китайские реалии

Россия и другие страны БРИКС давно уже требуют изменения устаревшей системы квот МВФ таким образом, чтобы лидеры глобальной экономики, такие как Россия и Китай имели бы большее официальное влияние в этой организации, чем мелкие европейские страны, такие, как Бельгия и Швейцария. На фоне этого требования особенно парадоксальным выглядят попытки России сорвать

инициативы БРИКС, направленные на реформирование международной валютно-финансовой системы, делая вид, что в экономическом аспекте все члены этой организации равны, и не замечая при этом слона, роль которого в стане БРИКС играет Китай. Если страны БРИКС желают в едином и мощном порыве оспорить власть существующих западных институтов, они должны признать Китай в качестве своего лидера. Для того, чтобы успешно штурмовать международную валютно-финансовую систему, в основе которой лежит доллар США, страны БРИКС должны продвигать юань в качестве основной альтернативной валюты, а не соперничать между собой или притворно изображать равенство в своих рядах. Следуя этой логике, Китаю следует позволить возглавить новый банк развития БРИКС и вложить в него миллиарды долларов, чтобы он мог реально бросить вызов бреттон-вудским близнецам. В этом контексте российскому руководству придется сделать непростой выбор: либо продолжать оспаривать существующие структуры международной валютно-финансовой системы, либо не допускать роста могущества китайской валюты за счет российских интересов. Пока же все указывает на то, что столкнувшись с этим выбором, Россия предпочтет сохранение статус-кво.

Elliott School of International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org